

Вклад русских в культуру Запада

Полчаса с М. Ларионовым

-Я РОДИЛСЯ в тираспольской крепости, вспоминает Ларионов, в самом прекрасном из городов мира. Это было так давно, что три фунта томатов стоили тогда копейку. На берегу Днестра, который, и мне казалось, не перелетит птица, прошло мое детство. Тирасполь — город староверов, молдаван и евреев. Староверам запрещалось иметь колокола и они по воскресеньям сзывали на заутреню ударяя лопатами о жестяные ведра. Этот звук и поныне еще ласкает мое ухо — это ведь одно из первых моих воспоминаний.

— В начале 98-го года я поступил в московское «училище живописи, ваяния и зодчества». Учился долго, очень долго. Впервые, еще будучи в школе, выставлял у «Передвижников»; на выставке «Процессия художеств» получил премию; участвовал и в первом «Мире Искусства». В 1906 году я поехал в Париж и сразу попал под обаяние Ван-Гога. С ним начался мой «импрессионистический» период. Постепенно он заменялся «синтетической» живописью...

Ларионов рассказывает с увлечением, вспоминая сотни беллетристических деталей и своими хитро улыбающимися глазами поглядывает на меня, пока я рассматриваю репродукции его старых полотен, в которых живописное прошлое русского искусства непосредственно связывается им с новейшими западными течениями. И мне есть на что посмотреть: не даром в Третьяковской галерее 25-ый зал нижнего этажа теперь целиком отведен его творчеству.

— Но с ранних лет родилось у меня влечение к театру. Оно живо во мне и теперь, наперекор тому, что свою театральную карьеру начал я под дурными предзнаменованиями. В незапамятные времена панялся я с приятелем в декораторы в какой-то театрик, гастролирувавший по провинции. Привезли нас в город Полтаву, поселили на окраине и каждое утро ходили мы в наш театр готовить очередные, убогие декорации. Работали с увлечением, хоть и замечали, что местная публика относится к нашей антрепризе без должного воодушевления! Прошло еще несколько дней — мы, как полагается, вышли на работу. Глядим: — трушны нашей и в помине нет. Что такое? Вчера вехали. А денег у нас ни гроша. До Москвы при-

шлось добираться всякими правдами и неправдами. Вернувшись узнаю, что Врубелю заказаны декорации к «Валькирии» и он ищет помощника. Мне с трудом удалось пристроиться. Горд был несказанно. Прихожу к нему в мастерскую и, преодолевая застенчивость, предлагаю сделать проект эскиза. Он на меня зло посмотрел: «Что? Эскиз?! Ведра за мной таскать да составлять краски, вот что мне от вас нужно...»

— Но театральную мою тягу эти неудачи не охладили. Время было к тому же боевое — вопросы искусства тогда живо всех волновали. Это была заря русского кубизма. С друзьями, Кончаловским и Машковым, мы основали «Буфоновый Валет» (ведь *valet de carreau* означает — «слуга квадрата»). А весной 1914 года, так и не оцененный до конца, единственный — Дягилев выписал меня с Гончаровой сюда ставить «Золотого петушка». Тут я и застрял с тех пор. Моей первой самостоятельной постановкой было «Полночное солнце», затем шли лядовские «Сказки», в «Шуте» я был одновременно и декоратором, и балетмейстером. Иллюстрировал также несколько книг, в том числе французский перевод «Двенадцати».

Так и продолжается... неистощимый на выдумки Ларионов сегодня в Париже, завтра в Лондоне — там он ставит балет, здесь ищет декорации, и там, и здесь рисует и ищет картины (но «скупой рыцарь» он очень не любит их выставлять). В его пещере Аладина, находящейся на маленькой улочке, носящей имя замечательного гравера — сотни полотен, редкие книги, редчайшие театральные программы, рисунки. А сам он ходячая хроника и русского футуризма, и балета, и парижской художественной жизни последнего тридцатилетия. И о ком он только не успел мне рассказать в это последнее краткое свидание: о Мануэль де Фалла и об Аполлинере, о Рубинштейне и о Пикассо, о Карсавиной и о монашеском принце.

— Когда, М. Ф., вы напишете воспоминания?

— Нет, дорогой, книгу писать нет времени, а вот о встречах с Врубелем я вам, пожалуй, напишу, когда вернусь из Лондона. Уделите мне, пожалуйста, «подвал».

Алконост.